

ЗАПРЕТНЫЯ ИДЕИ.

(Окончаніе) ¹⁾.

III

Можетъ быть, кто-нибудь усумнится: существуютъ ли такіе взгляды, которые нами изложены, и есть ли лица, раздѣляющія эти взгляды. Эти взгляды, скажемъ мы, раздѣляются и устанавливаются множествомъ ученыхъ. Безпощадный походъ противъ достовѣрности нашего мышленія можно найти, наприм., у Авенариуса и Лааса. Довольно подробную теорію выведенія изящнаго изъ полезнаго мы можемъ найти уже у челоуѣка, открытіе принципа естественнаго подбора которому принадлежить въ равной мѣрѣ съ Дарвиномъ,—у Уоллесса. Въ настоящее время положенія Уоллесса развиты еще болѣе подробно, относительно же трактата Дарвина о половомъ подборѣ большинство полагаетъ, что онъ слишкомъ преувеличилъ значеніе красоты. Что касается до выведенія добраго изъ полезнаго, то это сдѣлалъ еще утилитаризмъ и о немъ теперь вообще говорятъ, что въ своихъ этическихъ изысканіяхъ онъ предварилъ теорію эволюціи. Можетъ быть не найдутъ сочиненій, въ которыхъ бы признавались всѣ положенія, изложенныя въ предыдущей главѣ, но найдутъ очень много сочиненій, изъ положеній которыхъ съ необходимостію вытекаютъ всѣ тезисы, перечисляемые въ той главѣ. Перейдемъ же теперь къ разбору изложенныхъ нами воззрѣній.

У современныхъ мыслителей эволюціоннаго направленія, взгляды которыхъ мы изслѣдуемъ, есть нѣкоторые догматы или аксіомы, во всякомъ случаѣ предвзятыя положенія, ко-

¹⁾ См. Августъ.

торыя они ставятъ въ основу своихъ разсужденій и эти то положенія и привели ихъ къ изложеннымъ выводамъ. Они повѣрили физико-механической теоріи о сохраненіи вещества и энергіи и біологической теоріи происхожденія видовъ путемъ эволюціи. Они расширили принципы эволюціи, распространивъ ихъ на всѣ виды феноменовъ. Они признали далѣе единство бытія, неизмѣнность законовъ управляющихъ имъ и неизбѣжность фактовъ наблюдаемыхъ въ мірѣ, т. е. они а priori отвергли бытіе внѣмірнаго Творца и свободныхъ существъ и признали вѣчность и неизмѣнность міра. Отсюда они стремились и стремятся давать міропостроеніе, имѣющее характеръ строго механической и эволюціонной. Но такія построенія гораздо менѣе возможны, чѣмъ построенія на воздухѣ. Воздухъ во всякомъ случаѣ не ложь и не фикція, ихъ же положенія отличаются такимъ характеромъ, что воздвигаемая на нихъ постройки прежде всего обрушиваются на нихъ самихъ, обнаруживая ихъ неправду, и однако эти философы строятъ и еще долго будутъ строить свои ученія на такомъ странномъ фундаментѣ. Что за причина этого печальнаго явленія? Объ этомъ мы не будемъ говорить въ настоящей статьѣ, но мы покажемъ сейчасъ, къ какимъ противорѣчивымъ выводамъ они приходятъ въ своихъ построеніяхъ.

Они признали, что эволюціонную точку зрѣнія должно распространить и на мышленіе, но приложеніе принциповъ эволюціи къ явленіямъ мышленія заставило ихъ придти къ отрицанію самодостовѣрности мышленія. Если же наше мышленіе не самодостовѣрно, то нельзя вѣрить и тѣмъ положеніямъ, которыя они ставятъ краеугольнымъ камнемъ и исходнымъ началомъ своихъ изслѣдованій: нельзя признать достовѣрными положенія, которыя выработало несамодостовѣрное мышленіе. Ихъ принципы теряютъ свою устойчивость. Они пытаются найти спасеніе въ такой оговоркѣ, что предлагаемая ими ученія имѣютъ значеніе относительной, а не абсолютной истины: нормы мышленія, присущія современному человѣчеству, и факты извѣстные ему принуждаютъ его признать эти ученія истинными и признаніе ихъ истинными приноситъ практическую пользу человѣчеству. Они истинны, потому что кажутся истинными, но пусть никто не забываетъ, что они истинны лишь для рода

ното и лишь на ограниченное время. Такова оговорка современныхъ учителей истины. Этой оговорки не принимаютъ на самомъ дѣлѣ ни учителя, ни ученики: никто изъ нихъ не сомнѣвается не только въ фактъ собственнаго существованія, но и въ томъ, что жизнь была за много вѣковъ до нихъ, что прежде на землѣ жили иныя созданія и т. д.

Механическая точка зрѣнія, устанавливаемая мыслителями изслѣдуемаго направленія, обязываетъ ихъ разсматривать всѣ человѣческія дѣйствія, какъ неизбѣжное слѣдствіе предшествовавшихъ условій. Эта точка зрѣнія снимаетъ съ человѣка отвѣтственность за его дѣйствія и лишаетъ права кого-бы то ни было предъявлять требованія къ человѣку. Однако—въ противорѣчіе самимъ себѣ—наши мыслители даютъ предписанія и предлагаютъ нормы для человѣческой дѣятельности. Они оправдываютъ себя такимъ образомъ. Во 1) они указываютъ, что, вѣдь, и они предъявляютъ свои требованія по необходимости: ихъ слова, ихъ мысли и ихъ сомнѣнія, суть тоже, какъ и паденіе камня и солнечный свѣтъ, неизбѣжныя слѣдствія предшествовавшихъ условій, во 2) ихъ запрещенія и повелѣнія представляютъ собою, правда, не единственные, но тоже силы, обуславливающія дѣйствія людей, къ которымъ они направлены.

Самая слабая сторона детерминизма, бросающаяся прежде всего въ глаза, состоитъ въ томъ, что детерминистъ всегда стоитъ въ противорѣчьи съ самимъ собой: онъ чувствуетъ, что онъ свободенъ, онъ дѣйствуетъ, какъ существо свободное, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отрицаетъ свою свободу. У мыслителей изслѣдуемаго направленія это противорѣчіе выступаетъ не менѣе ярко и даже болѣе ярко, чѣмъ у многихъ иныхъ детерминистовъ. Мы указали уже выше на одного англійскаго эволюціониста, который опредѣлилъ, что задачею человѣка должно быть соперничество съ неизвѣстнымъ творцомъ въ повышеніи его созданія, манекены не могутъ соперничать съ кѣмъ бы то ни было и менѣе всего конечно съ тѣмъ, кѣмъ они устроены. Одинъ русскій позитивистъ (Лесевичъ), отличая 2 теченія въ жизни человѣчества: эволюціонное и деэволюціонное, т. е. по просту говоря прогрессивное и регрессивное, говорить, что религіозною задачею человѣка должно быть стремленіе содѣй-

ствовать эволюціонному направленію жизни человѣчества. Разсуждая такъ, эти люди вносятъ крайнія противорѣчія въ свою теорію. Съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи задача быть не можетъ: могутъ быть лишь законы и факты. Можно разсуждать, напр., такъ, что осуществленіе извѣстныхъ нравственныхъ законовъ будетъ способствовать возвышенію человѣчества, что изъ изученія дѣйствительности можно вывести, что въ будущемъ человѣчество будетъ совершеннѣе, но нельзя призывать человѣка къ совершенствованію. Оправданіе эволюціонистовъ, что они совершаютъ это не свободно, не имѣетъ никакого смысла: ихъ лично—съ ихъ точки зрѣнія—мы и не будемъ признавать отвѣтственными за ихъ слова и разсужденія, но мы обязаны установить, что умственный аппаратъ, сначала ставящій тезисомъ, чты мы не можемъ выполнять никакихъ задачъ и цѣлей, а ведемся по жизненному пути силою естественныхъ законовъ и затѣмъ намѣчающій намъ задачи и цѣли, такой умственный аппаратъ функционируетъ плохо, въ немъ, очевидно, не хватаетъ нѣкоторыхъ винтовъ и къ выводамъ, дѣлаемыхъ имъ, должно относиться съ осторожностью.

Такъ наши мыслители отрицаютъ самодостовѣрность своего мышленія и вѣрятъ двойственнымъ выводамъ своего мышленія, что они владѣютъ знаніемъ, соотвѣтствующимъ дѣйствительности, и что они не могутъ владѣть имъ. Такъ они отрицаютъ свободу человѣческихъ дѣйствій и чувствуютъ, что они свободны и дѣйствуютъ такъ, какъ будто и тѣ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, существа свободныя.

Отличительный характеръ изслѣдуемой нами теоріи состоитъ въ томъ, что устанавливаемая ею положенія стоятъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ требованіями природы тѣхъ, кто устанавливаетъ эти положенія. Такъ теорія признаетъ, что стремленія къ истинѣ, красотѣ и добру суть модификаціи инстинкта самосохраненія и продолженія рода, между тѣмъ человѣческая природа требуетъ жертвовать и собою, иногда и ближними ради удовлетворенія этимъ стремленіямъ. Стремленіе къ знанію побуждаетъ человѣка предпринимать экспедиціи къ сѣверному полюсу, подниматься на высочайшія горы, совершать путешествія по раскаленному песку тропическихъ пустынь. На такія жертвы

способны и такія жертвы совершали многіе изъ защитниковъ разбираемой теоріи и всѣ они одобряютъ лицъ, совершающихъ эти трудныя и опасныя предпріятія. Стремленіе къ красотѣ выражается въ служеніи искусству. Условіемъ успѣшности этого служенія является „вдохновеніе“. Это неопредѣленный и нѣсколько мистическій, но тѣмъ не менѣе глубоко вѣрный терминъ: когда художникъ творитъ, онъ чувствуетъ, что его творенія не исполнѣ его, что онъ создаетъ ихъ подъ вліяніемъ какой-то внѣшней, свѣше на него воздѣйствующей силѣ. Припомнимъ, что говоритъ объ этомъ Сократъ въ своей апологіи и что передаетъ намъ объ этомъ Платонъ: поэты творятъ, не сознавая какъ и не сознавая зачѣмъ. Эта черта была присуща времени Сократа, можно доказать, что раньше Сократа положеніе дѣла было таково же, не измѣнилось оно и въ настоящее время. Равнымъ образомъ люди наслаждаются художественными произведеніями, вовсе не имѣя въ виду принципа пользы. Позитивисты стремятся на оперу и получаютъ отъ нея такое же наслажденіе, какъ и прочіе люди, хотя ихъ теорія происхожденія музыки должна бы была побуждать ихъ смотрѣть на современную музыку, какъ на нѣчто ненормальное. Остается добро. Къ счастью потребность совершать его присуща многимъ изъ позитивистовъ въ такой же мѣрѣ, какъ многимъ непозитивистамъ: ихъ трогаютъ страданія безнадежно больныхъ и они поддерживаютъ ихъ существованіе и облегчаютъ ихъ положеніе, не размышляя при этомъ ни о своей пользѣ, ни о пользѣ человѣчества. Все это показываетъ намъ, что мыслители, ученіе которыхъ мы разбираемъ, находятся въ противорѣчій сами съ собою. Самопротиворѣчивость—вотъ черта, которая должна рѣзко поражать въ ихъ ученіи всякаго, кому только будетъ оно изложено. Они прибѣгаютъ тогда къ дополненіямъ, поправкамъ и поясненіямъ, но самопротиворѣчивость ихъ основоположеній представляется столь очевидною, что далеко, пожалуй, не всѣ захотятъ выслушать ихъ самооправданія; поэтому они сохраняютъ и приобрѣтаютъ себѣ послѣдователей не тѣмъ, что показываютъ мнимый характеръ противорѣчій въ ихъ теоріи, а тѣмъ, что замаскировываютъ эти противорѣчія, не показываютъ ихъ совсѣмъ.

Представимъ себѣ теперь, что въ силу какихъ-либо обстоятельствъ въ рукахъ нашихъ мыслителей оказалась возможность управлять теченіемъ вещей, возможность устроить по своему вкусу общественный строй, возможность воспитывать дѣтей, какъ имъ угодно. Очень можетъ быть, что они оказались бы не подготовленными къ такому положенію, ибо они полагають пока, что еще далеко то время, когда все человѣчество признаетъ и приметъ ихъ ученія, поэтому они проповѣдуютъ теорію приспособленія къ настоящему и постепеннаго его улучшенія, а не непосредственную его радикальную перестройку. Какъ на представителя такого образа мыслей, можно указать на недавно умершаго Имполита Тэна. Онъ усвоилъ себѣ принципы позитивизма и теоріи эволюціи, опъ видѣлъ въ христіанствѣ, понятно, одно изъ временныхъ заблужденій и однако, мы видимъ, въ своей политической дѣятельности онъ иногда являлся поддерживающимъ клерикаловъ, онъ поддерживалъ ихъ, искренно желающій, чтобы они исчезли съ лица земли, и вполне увѣренный, что они когда-нибудь исчезнутъ, но онъ думалъ, что попытка вредить имъ сейчасъ можетъ иногда принести вмѣсто пользы вредъ и этимъ объясняется его образъ дѣйствія. Когда во французской палатѣ обсуждался вопросъ о томъ: продолжать-ли платить жалованье католическому духовенству, или нѣтъ, то нѣкоторые невѣрующіе настаивали, чтобы плату жалованья продолжали, и приводили такое соображеніе: во Франціи народъ еще въ довольно значительномъ числѣ вѣрующій. Если у духовенства этого народа отнять государственное жалованье, тогда оно будетъ содержаться поборами съ своей паствы и обложить ее новыми и тяжкими налогами, которые при томъ падутъ на бѣднѣйшее населеніе Франціи, между тѣмъ какъ теперь церковный налогъ необременителенъ для всѣхъ жителей государства и въ значительной мѣрѣ устраняетъ возможность злоупотребленій со стороны духовенства. Во имя этихъ соображеній ораторъ-атеистъ поддерживалъ клерикаловъ въ ихъ требованіи сохраненія государственнаго жалованья для духовенства. Такъ происходитъ при настоящемъ порядкѣ вещей, но представимъ себѣ иной порядокъ, представимъ себѣ общество, образованное исключительно изъ людей изслѣдуемаго нами образа мыс-

лей, тамъ не было - бы пужды въ приснособлснїи, тамъ можно бы было усердно и исключительно заняться дѣломъ усовершенія. Возможность такого положенія вещей, вообще говоря, довольно осуществима. Общество людей эволюціонно-позитивнаго образа мыслей можетъ образовать свою колонію гдѣ-либо на австралійскихъ островахъ и устроиться такъ, какъ ему желательно. Какъ бы оно должно было устроиться?

Безъ сомнѣнія, оно прежде всего изгнало-бы религію, по его мнѣнію, только пугающую человѣка какими то фантастическими призраками, налагающую на человѣка нелѣпныя обязанности (молиться, посѣщать храмы) и заставляющую его непроизводительно тратить время и средства. Затѣмъ занятія науками и искусствами ради наукъ и искусствъ тоже должны бы были быть тамъ изгнаны. Бесплодная погоня за призраками истины должна была-бы тамъ уступить мѣсто заботамъ о практическихъ удобствахъ жизни. Техника, агрономія, медицина и право, вотъ, занятіямъ чѣмъ должны бы были всецѣло отдаться эти идеальные люди. Заботы о прекрасномъ они смѣнили бы заботами о полезномъ. При постройкѣ домовъ они имѣли-бы въ виду сдѣлать ихъ наиболѣе удобными. Относительно костюмовъ они заботились бы только, чтобы они были практичны. Они выработали бы правила, которыя самымъ цѣлесообразнымъ образомъ регулировали-бы жизнь членовъ общества: столько то часовъ въ сутки каждый членъ долженъ заниматься физическимъ трудомъ, тогда то онъ долженъ принимать пищу (разумѣется, самую питательную), тогда то отдыхать. Общество постаралось бы уничтожить соперничество и неравенство между членами: всѣ бы получали равное количество благъ и всѣ бы равно цѣлесообразно пользовались этими благами. Намъ однако думается, что въ концѣ концовъ въ этомъ обществѣ исчезли-бы всякіе жизненные интересы, исчезли бы желанія и страсти, члены общества можетъ быть только по нуждѣ бы стали говорить другъ съ другомъ, они превратились бы въ питающихся и работающихъ (все равно, мозгомъ или руками) автоматовъ.

Но хотя такое общество съ точки зрѣнія мыслителей, мнѣнія которыхъ мы излагаемъ, должно считаться несравненно выше извѣстныхъ намъ современныхъ обществъ, оно

однако не можетъ считаться воплощеніемъ его идеаловъ. Идеаль, къ которому должны стремиться люди, выводящіе всѣ стремленія человѣческаго духа изъ инстинктовъ самосохраненія и продолженія рода, должно искать въ царствѣ животномъ и притомъ не въ высшихъ его представителяхъ, а въ низшихъ, наприм. въ червяхъ. Представьте себѣ червей—паразитовъ (наприм., трематодъ), которые живутъ въ питательной средѣ, все тѣло которыхъ представляетъ аппаратъ для питанія и которые кромѣ органовъ питанія имѣютъ лишь органы размноженія. У человѣка наука, искусство, религія, право, все вѣдь это въ сущности служатъ лишь для сохраненія индивидуума и продолженія рода, да еще иногда и служатъ несовсѣмъ хорошо. Такимъ образомъ здѣсь для достиженія цѣли затрачивается громадное количество энергіи, наши черви паразиты для достиженія той-же цѣли почти не тратятъ энергіи. Вообще принято считать, что тотъ механизмъ выше, который тратитъ меньше силъ, чѣмъ другой, служащій тому-же самому дѣлу. Поэтому трематоды должны быть поставлены выше людей. Представляющееся одно возраженіе, что организмъ человѣческой служитъ многимъ и разнообразнымъ цѣлямъ, устраняется тѣмъ, что при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что эти цѣли суть средства для достиженія той, которой прямо и непосредственно достигаетъ организмъ трематодъ.

Такимъ образомъ оказывается, что съ точки зрѣнія изслѣдуемой теоріи идеаль, къ которому должно стремиться человѣчество, лежитъ не впереди, а сзади. Его нужно искать, скажемъ мы, еще гораздо ниже, чѣмъ между трематодами. Трематоды — черви, типъ червей въ биологической лѣстницѣ занимаетъ довольно высокое мѣсто. Если мы спустимся ниже, то тамъ мы найдемъ еще болѣе простые и болѣе просто достигающіе цѣлей бытія организмы. Таковы, наприм., фораминиферы. Это одноклѣточные организмы микроскопической величины съ протоплазматическимъ тѣломъ—полужидкой, полутвердой консистенціи, постоянно мѣняющей форму. Они питаются, обволакивая протоплазматическою сѣтью маленькіе растительные организмы, все тѣло ихъ при этомъ служитъ и ртомъ и желудкомъ и анальнымъ отверстіемъ, чрезъ которое выбрасываются останки пищеваренія. Размноженіе фораминиферъ происходитъ такимъ

образомъ, что одна фораминафера распадается на нѣсколько. Такимъ образомъ еще оказывается, что фораминаферы безсмертны: сохраненіе индивидуальнаго и родоваго бытія достигается здѣсь наилучшимъ образомъ. Остается только удивляться, почему вся органическая жизнь на землѣ не существуетъ въ такихъ или аналогичныхъ— такимъ формамъ, въ какихъ является жизнь фораминаферъ. На самомъ дѣлѣ въ далекомъ прошедшемъ согласно теоріи эволюціи было время, когда всѣ организмы были таковыми, т. е. подобными фораминаферамъ. Какая-же причина заставила эти организмы эволюціонировать, т. е. ухудшаться, ибо теперь оказывается, что разъ организмъ становится сложнѣе, то онъ становится менѣе совершеннымъ. Причина эволюціи фораминаферъ неизвѣстна; но зачѣмъ эволюціонисты вмѣсто того, чтобы призывать насъ возвратиться назадъ и угодиться простѣйшимъ, все зовутъ насъ впередъ. *Impravidī progrediamur*“, говоритъ Геккель. Но куда и зачѣмъ? Онъ и самъ не знаетъ, куда и зачѣмъ идетъ, онъ знаетъ, что онъ не овладѣетъ истинной, онъ склоненъ думать, что и человѣчество уничтожится, не овладѣвъ ею. Едвали онъ также рѣшится утверждать, что послѣдовавшіе за нимъ будутъ счастливы: люди, идущіе по пути жизни, безъ вѣры и надежды, не могутъ быть счастливыми. Геккель непослѣдователенъ, онъ не можетъ еще отрѣшиться отъ унаслѣдованнаго стремленія къ безкорыстному знанію, онъ долженъ еще видоизмѣнить въ себѣ этотъ инстинктъ, чтобы стоять на высотѣ своей теоріи.

Идеаль, намѣчаемый теоріею, неизмѣнный идеаль: должно сохранять бытіе, должно питаться и размножаться, это законъ бытія. Все прочее есть развитіе и осложненіе этой первоначально простой формулы. Мыслители, изъ теоріи которыхъ вытекаютъ такіе практическіе выводы, однако не соглашаются съ этими выводами. Практика у нихъ расходится съ теоріей, какъ и теорія постоянно расходится сама съ собою. Это самое уже можетъ служить для насъ достаточнымъ ручательствомъ того, что ихъ теорія никогда не сдѣлается общеприпятымъ ученіемъ, но мы теперь попытаемся еще показать, что ихъ походъ противъ исповѣданія лицъ несоглагошающихся съ ними, утверждается на невѣрныхъ основаніяхъ, что запрещеніе служенія идеямъ ис-

тины, добра и красоты представляется у нихъ выводомъ изъ неправильно установленныхъ положеній.

IV.

Служеніе идеѣ истины запрещается мыслителями изслѣдуемаго нами направленія по 2-мъ основаніямъ: во 1) потому, что самое стремленіе къ истинѣ есть исполненіе стремленія знать полезное или есть искаженіе полезнаго инстинкта и потому есть нѣчто ненормальное, во 2) потому что овладѣть истиною для человѣческаго мышленія невозможно: мышленіе человѣка и ограничено и несамодостовѣрно. Мы попытаемся прежде всего показать, что не самодостовѣрность человѣческаго мышленія не доказана. Было бы безумною попыткою доказать самодостовѣрность человѣческаго мышленія, ибо исходнымъ началомъ всякаго доказательства является признаніе этой самодостовѣрности. Самодостовѣрность мышленія есть необходимый постулатъ, неизбѣжное *princ* всякаго разсужденія. Но дѣло въ томъ, что намъ говорятъ, что это мышленіе кое-гдѣ и кое-когда приводитъ къ невѣрнымъ выводамъ, отсюда слѣдуетъ, что на него нельзя полагаться, хотя по необходимости имъ нужно руководствоваться, но самъ руководитель въ самомъ себѣ заключаетъ признаки заставляющіе относиться къ нему подозрительно. Не трудно видѣть, что когда изъ того обстоятельства, что наше мышленіе иногда приводитъ къ невѣрнымъ выводамъ, выводятъ, что ему нельзя довѣрять совсѣмъ, то изъ факта выводятъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, изъ факта вытекаетъ лишь, что самодостовѣрность нашего мышленія ограничена, а имъ хотятъ доказать, что мышленію нашему совсѣмъ не присущъ признакъ самодостовѣрности. Такимъ образомъ, пытаясь доказать не самодостовѣрность мышленія, при помощи самого же мышленія, на самомъ дѣлѣ прибѣгаютъ къ передержкамъ и софизмамъ. Безъ сомнѣнія каждый человѣкъ имѣетъ много заблужденій, но наше мышленіе даетъ намъ возможность находить причины происхожденія этихъ заблужденій. Характеръ пріобрѣтенія нашихъ познаній таковъ, что за ними можно лишь признавать большую или меньшую степень вѣроятности, но они рѣдко являются съ характеромъ достовѣрности. Прежде всего мы пріобрѣтаемъ познанія по вѣрѣ въ правдивость

сообщеній людей, воспитывающихъ насъ, затѣмъ приобретаемъ познанія, руководясь свидѣтельствомъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, далѣе устанавливаемъ болѣе или менѣе общія положенія путемъ индуктивнымъ, наконецъ приобретаемъ познанія и путемъ дедуктивнымъ. Разсмотрѣнiе всѣхъ этихъ источниковъ нашихъ познаній побуждаетъ насъ относиться къ нимъ съ крайней осторожностью. Сознательно или безсознательно лица, обогащающія насъ познаніями, могутъ сообщать намъ ложь вмѣсто правды. Наши чувства не представляютъ намъ вещей такими, каковы они есть, а даютъ лишь символы вещей, притомъ оказывается, что они совсѣмъ не могутъ давать символовъ нѣкоторыхъ вещей (напр., ультра-фіолетовыхъ, инфра-красныхъ цвѣтовъ, рентгеновскихъ лучей, слишкомъ низкихъ и слишкомъ высокихъ звуковъ), для нѣкоторыхъ вещей различныхъ самихъ по себѣ они даютъ одинаковые символы (свѣтъ отъ сгорания многихъ различныхъ веществъ кажется одинаковымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ оказывается весьма различнымъ по своимъ физическимъ и химическимъ свойствамъ) и для вещей одинаковыхъ различные символы, смотря по измѣненію нашего субъективнаго состоянія и сопутствующихъ внѣшнихъ условій. Умозаключенія путемъ индукціи, какъ мы и сами хорошо сознаемъ, суть умозаключенія вѣроятности и они часто оказываются ошибочными. Наконецъ, умозаключенія дедуктивныя только тогда будутъ вѣрны, какъ говорить намъ наше собственное сознание—когда собранъ и надлежащимъ образомъ установленъ весь нужный матеріалъ для умозаключеній. Мышленіе оперируетъ надъ готовымъ матеріаломъ и разъ не доставлено этого матеріала, или если въ извѣстныхъ случаяхъ онъ упущенъ изъ вниманія, то выводъ окажется ложнымъ. Такъ, положимъ, палеонтологъ находитъ нѣсколько костей животныхъ и пытается по нимъ воссоздать цѣлое животное. Онъ исходитъ изъ закона физиологическаго соотношенія органовъ. Положимъ, онъ нашелъ кости ноги. Изученіе строенія костей дастъ ему возможность составить умозаключенія относительно ножной мускулатуры (по тѣмъ углубленіямъ и возвышеніямъ, какія оказываются въ костяхъ, можно заключить и о характерѣ мускуловъ, прилегающихъ къ этимъ углубленіямъ и возвышеніямъ), далѣе кости ноги даютъ основанія заключить о

костяхъ остальныхъ частей организма, а мускулы ноги о прочихъ мускулахъ (кость бедра, наприм., своею верхнею частью непосредственно знакомить насъ съ устройствомъ таза). Этого достаточно для того, чтобы составить понятие о питаніи и образѣ жизни животнаго. Находится такимъ образомъ, классъ, порядокъ, родъ, къ которому должно быть отнесено животное. Исходя изъ закона пропорціональности въ измѣненіяхъ органовъ и сравнивая то, что мы пока нашли отъ ископаемаго животнаго, съ тѣмъ, что мы имѣемъ въ нынѣ существующихъ родственныхъ ему животныхъ, мы заключаемъ, что въ остальныхъ органахъ и частяхъ оно должно отличаться отъ этихъ животныхъ такъ-то и такъ-то: глаза его должны быть такими то, рога такими то и т. д. Палеонтологическое животное восстановлено. Способъ умозаключеній, которымъ шли къ его восстановленію, самъ по себѣ повидимому непогрѣшимъ и однако очень можетъ быть, что реставрація на самомъ дѣлѣ оказалась весьма неудачною. Не трудно понять почему: законы или основоположенія, изъ которыхъ исходили, отличаются своею эластичностью, допускаютъ при тѣхъ или иныхъ условіяхъ различныя отступленія, а многія изъ такихъ условій могли быть упущены изъ виду, далѣе многое могло быть незамѣчено, многое позабыто при составленіи выводовъ изъ наличныхъ данныхъ и отсюда выводы, строяемые вѣрно, могли быть совершенно невѣрными.

Все это объясняетъ намъ, почему наше мышленіе приводитъ насъ иногда къ ложнымъ выводамъ. Ученикъ невѣрно рѣшившій задачу, ученый, составившій ошибочную гипотезу, даже наши мыслители, дошедшіе своимъ умомъ до того, что перестали въ него вѣрить, все это не ставятъ насъ въ противорѣчіе съ необходимымъ требованіемъ духа вѣрить самодостовѣрности нашего мышленія, ибо анализъ, производимый самимъ мышленіемъ показываетъ намъ, что оно и дѣйствительно иногда должно приходиться къ ложнымъ выводамъ. Но вмѣстѣ съ этимъ тотъ же анализъ показываетъ, что мышленіе можетъ разбираться въ своихъ невѣрныхъ выводахъ, мало-по-малу можетъ находить *causam egroris* и уменьшать такимъ образомъ число заблужденій. Исторія человѣческаго мышленія и показываетъ намъ, что число заблужденій въ человѣчествѣ уменьшается, что

ложныя понятія постоянно замѣняются болѣе истинными, и что, слѣдовательно, человѣку нѣтъ никакой нужды приходить въ отчаяніе отъ того, что онъ никогда не узнаетъ дѣйствительнаго положенія вещей, нѣтъ никакой нужды быть абсолютнымъ скептикомъ.

Анализъ, далѣе, показываетъ намъ, что есть кругъ идей и предметовъ, который недоступенъ для нашего мышленія: мы не можемъ мыслить о внѣпространственныхъ предметахъ, не можетъ во многихъ отношеніяхъ примѣнять требованія нашего мышленія къ понятіямъ вѣчнаго и безконечнаго. Это объясняетъ намъ, откуда происходитъ цѣлый рядъ математическихъ софизмовъ, гдѣ мы часто пользуемся этими понятіями. Однако, съ другой стороны, мы часто пользуемся этими понятіями тамъ съ успѣхомъ. Такъ въ математикѣ наприм., суммируются многіе безконечные ряды, тригонометрія съ успѣхомъ пользуется понятіями положительнаго и отрицательнаго нуля, положительной и отрицательной безконечности. Наше мышленіе можетъ разбираться во всѣхъ этихъ операціяхъ надъ безконечностями и всегда можетъ различать случаи, въ которыхъ выводы будутъ достовѣрными отъ тѣхъ, въ которыхъ они будутъ сомнительными. Это показываетъ намъ, что и область безконечнаго не вполне для насъ запретная область, мало-по-малу мы вторгаемся и въ нее, и никто еще не указалъ границы, дойдя до которой человѣкъ не могъ бы двинуться далѣе. Для нашего ума открыто, что кромѣ области для него познаваемой есть еще область непознаваемая, далѣе для него открывается, что съ одной стороны онъ о многомъ и въ области познаваемой составляетъ невѣрныя понятія, представленія и сужденія, съ другой — и область непознаваемаго несовсѣмъ закрыта для него. Отсюда задача: улучшать качество и увеличивать количество своихъ познаній въ области конечнаго и постепенно стремиться проникать въ область безконечнаго.

То обстоятельство, что вспомогательнымъ приѣмомъ для уразумѣнія предметовъ и явленій, служатъ иногда фикціи, набрасываетъ тѣнь на самодостовѣрность нашего мышленія, намъ кажется, лишь потому, что понятіе фикціи въ курсахъ логикъ всегда было невѣрно опредѣляемо. Невѣрныя выраженія математиковъ авторы изслѣдованій по логикѣ, при-

нимали за положенія, изъ которыхъ математики дѣлають свои выводы. Многіе изъ такихъ авторовъ, какъ раскрывается изъ ихъ разсужденій, на самомъ дѣлѣ думаютъ, что изъ такихъ положеній, какъ „кругъ есть многоугольникъ съ безконечнымъ числомъ сторонъ“, кривая есть ломаная, состоящая изъ безконечно малыхъ прямыхъ“ (т. е. вообще изъ завѣдомо-ложныхъ положеній) можно что-нибудь выжать. На самомъ дѣлѣ это — неправда. За всѣми такими выраженіями обыкновенно скрываются не безконечности и нули, а теорія предѣловъ: свойства кривыхъ, опредѣленіе ихъ касательныхъ, вычисленіе площадей и объемовъ тѣлъ основываются обыкновенно на теоремахъ о предѣлахъ. Напротивъ, гдѣ нельзя руководиться теоріею предѣловъ, тамъ нули и безконечности являются понятіями, игра съ которыми приводитъ лишь къ софизмамъ. Самодостовѣрность нашего мышленія въ математическихъ операціяхъ открывается изъ того, что мы, пользуясь понятіями безконечности и нуля, всегда можемъ тамъ различать случаи, въ которыхъ выводы будутъ достовѣрными отъ тѣхъ, въ которыхъ они будутъ ошибочными. Приведенные выше примѣры несовершенства математическихъ теорій, отчасти, правда, свидѣтельствующіе объ этомъ несовершенствѣ, не свидѣлствуютъ однако о томъ, что причина ихъ несовершенства заключается въ самопротиворѣчивости нашего мышленія. Что касается того, что опредѣленные вопросы получаютъ часто въ математикѣ нѣсколько отвѣтовъ (уравненія высшихъ степеней), то это вполне соответствуетъ дѣйствительности. Мнимыя величины, которымъ ничто не отвѣчаетъ въ природѣ, и въ математикѣ показываютъ лишь невозможность рѣшенія заданнаго вопроса. Философской теоріи величинъ ирраціональныхъ пока еще не дано, но уже высказывалась мысль, что можетъ быть они могутъ быть разсматриваемы, какъ предѣлы чиселъ раціональныхъ. Можетъ быть послѣ подробнаго раскрытія этой мысли выяснится, что и теорія чиселъ, имѣющаяся у насъ, вовсе не такъ несовершенна, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Указываютъ на фиктивный будто бы характеръ неизбѣжно употребляемыхъ нами понятій: система и индивидуумъ. Здѣсь есть недоразумѣніе. Система не фикція уже

потому, что она волюнѣ можетъ быть приложена къ искусственнымъ произведеніямъ, затѣмъ при оцѣнкѣ того факта, что присущему нашему мышленію стремленію къ систематичности не отвѣчаетъ несистематичность природы, должно обратить вниманіе на то, что мышленіе о предметахъ міра въ системѣ есть нелогическій, а мнемоническій приемъ. Мы не можемъ помнитъ безчисленнаго множества предметовъ (вслѣдствіе ограниченности а не не самодостовѣрности нашего мышленія) и потому раздѣляемъ ихъ по ихъ сходству на порядки и въ такомъ видѣ они гораздо удобнѣе сохраняются въ нашей памяти, причемъ сами мы хорошо понимаемъ искусственность такого дѣленія. Система, дадѣе есть приемъ педагогическій: расположеніе изучаемыхъ предметовъ въ порядкѣ восхожденія отъ болѣе легкаго къ менѣе легкому облегчаетъ дѣло изученія. Что касается до понятія индивидуальности, то разъ мы опредѣлимъ, что индивидуумомъ должно называть всякій обособленный предметъ или организмъ, то вопросъ о существованіи индивидуумовъ, понятно, должно будетъ рѣшить въ положительномъ смыслѣ. Но на самомъ дѣлѣ индивидуумы существуютъ и какъ недѣлимые. Такимъ индивидуумомъ является „я“ человѣка. Оно никогда не дѣлилось и не можетъ дѣлиться; это говоритъ намъ наше непосредственное сознаніе и наблюденіе надъ другими людьми. Это опровергають словами, а не фактами. Указываютъ на „раздвоеніе сознанія“, но „раздвоеніе сознанія“ это только неудачный терминъ для обозначенія факта состоящаго въ томъ, что душевноразстроенный или замагнитизированный субъектъ считаетъ себя другимъ лицомъ, а не тѣмъ, какимъ онъ на самомъ дѣлѣ есть. Здѣсь, слѣдовательно, происходитъ измѣненіе содержанія сознанія, а не раздвоеніе его. Въ другихъ подобныхъ случаяхъ происходитъ потемнѣніе сознанія, но опять-таки не раздвоеніе его.

Вообще все то, чѣмъ хотять поколебать вѣру въ самодостовѣрность нашего мышленія, на самомъ дѣлѣ нисколько не колеблетъ этой вѣры. Съ другой стороны безъ этой вѣры не возможна жизнь. Эта вѣра есть необходимый постулатъ, и мы съ необходимостію признаемъ, что нашему мышленію присущъ признакъ самодостовѣрности. Отсюда выводъ, что при помощи этого мышленія мы можемъ болѣе и болѣе

познавагь истину. Нашему духу присуще признаніе, что есть объективная истина, и присуща потребность познать эту истину. Отрицать или сомнѣваться въ существованіи объективной истины, какъ это дѣлаетъ Геккель, можно лишь на словахъ и притомъ противорѣча самому себѣ. Потребность знать истину—потребность чисто духовная и совершенно отлична отъ потребности приобрѣтать полезныя для жизни знанія—техническія, медицинскія и юридическія. Весь родъ человѣческой строго различаетъ ихъ, показать, что первая потребность есть видоизмѣненіе или исполненіе второй, никому не удалось. Что же касается до того, какъ должно смотрѣть на эту потребность, то думаемъ, что должно предполагать, что она есть исконное и законное требованіе человѣческаго духа, ибо только при этомъ признаніи жизнь можетъ получить смыслъ. На самомъ дѣлѣ, если стремленіе къ истинѣ есть модификація стремленія къ сохраненію жизни, а жизнь не имѣетъ никакой цѣли, то не стоитъ и жить. Въ глазахъ разумнаго человѣка жизнь можетъ имѣть цѣну, лишь поскольку она имѣетъ цѣль. Но если мы сознаемъ и признаемъ, что нашему духу присущи стремленія, ведущія насъ къ чему то высшему и самое служеніе каковымъ стремленіямъ уже даетъ намъ много радостей, то намъ лучше всего повиноваться указаніямъ и зову этихъ стремленій: можетъ быть когда-либо наше стремленіе къ знанію и получить возможно-полное удовлетвореніе, можетъ быть мы узнаемъ тогда, къ чему мы идемъ и откуда вышли и увидимъ, что идемъ мы къ чему-то высшему и абсолютно хорошему. Допущеніе этой возможности опирается на то, что можетъ быть мыслители, мнѣнія которыхъ мы изслѣдуемъ, ошиблись въ своихъ выводахъ, утверждая, что доказано, что существованіе міра, а слѣдовательно, и насъ безцѣльно, и что существованіе человѣчества лишь временно, что въ концѣ концовъ отъ человѣчества не останется ничего: всѣ произведенія человѣческой мысли погибнутъ. Эти мыслители, такъ твердо вѣря въ сохраніе матеріи, рѣшительно отрицаютъ сохраненіе духа. Но они слишкомъ скоры въ своихъ отрицаніяхъ. То обстоятельство, что духъ является дѣйствующимъ посредствомъ тѣла, что разстройство тѣла имѣетъ своимъ послѣдствіемъ разстройство духа, что наблюденіе и самонаблюденіе показываютъ воз-

возможность угасанія сознанія (духа) при нѣкоторыхъ болѣзненныхъ случаяхъ, все это еще не доказываетъ, что при смерти духъ дѣйствительно становится *péant*. Последнее мы не обязываемся мыслить, признавая первое, ибо оно не слѣдуетъ изъ перваго съ неизбѣжностью, оно лишь плохое индуктивное заключеніе. Если-же мы примемъ во вниманіе другой рядъ фактовъ, положимъ тотъ, что ни одно впечатлѣніе полученное душою не можетъ исчезнуть изъ нея, хотя и перестаетъ быть объектомъ сознанія, побуждающій думать, что душа можетъ существовать независимо отъ тѣла, то тогда по крайней мѣрѣ вѣроятность этого посмертнаго существованія станетъ для насъ вѣ сомнѣніи. Точно такъ же ученіе о безцѣльности бытія міра, исходящее изъ признанія вѣчности міра, представляется еще далеко не имѣющимъ характера аподиктической достовѣрности. Ученіе о вѣчности міра опирается на то, что при отрицаніи этой вѣчности приходится допустить, что міръ возникъ изъ ничего, а изъ ничего ничего не бываетъ. Разсуждающіе такъ однако упускаютъ изъ виду, что при допущеніи вѣчности міра, приходится признать, что міръ существуетъ безъ причины, а безъ причины ничего не бываетъ. Если же они замѣчаютъ, что понятіе „причины“ субъективнаго, а не объективнаго характера, то вѣдь имъ можно замѣтить, что въ такомъ случаѣ и ученіе *ex nihilo fit nihil* то же субъективнаго характера. Но совершенно напрасно наши мыслители тревожатъ это положеніе: міръ, не будучи вѣчнымъ, могъ вѣдь возникнуть и не изъ ничего. Такъ именно утверждаетъ христіанское ученіе. Міръ былъ созданъ Богомъ, онъ былъ такимъ образомъ реализаціей Божественныхъ идей. Обыкновенный художникъ, создавая произведеніе, создавая даже лишь его идею, пользуется внѣшними средствами и воплощаетъ эту идею рѣзцомъ, кистью или перомъ также при помощи внѣшнихъ средствъ. Богъ — Существо обладающее безконечною полнотою бытія — не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ средствахъ, онъ творитъ все изъ Себя, чрезъ Себя, не умаляясь и не отдѣляя отъ Себя ничего. Для насъ этотъ актъ Божественнаго творчества непостижимъ, ибо онъ происходитъ за тою чертою, до которой можетъ простираться наше пониманіе. Попытка приложить здѣсь тѣ принципы и нормы, которыми мы руководимся при пониманіи

конечнаго бытія, приведетъ насъ лишь къ противорѣчіямъ и абсурду. Но допущеніе возможности такого акта не ставитъ насъ въ противорѣчіе съ законами логики, ни — поскольку они намъ извѣстны — съ законами дѣйствительности. Такимъ образомъ мы имѣемъ право допустить происхожденіе міра во времени или со временемъ. Допуская это, мы не видимъ оснований отвергнуть и того, что бытіе его имѣетъ какую то цѣль, который онъ еще не успѣлъ достигнуть. Но если предположеніе, что мы назначены къ чему-то высшему, не опровергнуто, то оно должно быть принято. Оно принималось людьми издревле, оно освѣщало путь жизни и сообщало смыслъ существующему. Всѣ, которые пытались разгадать, къ чему это высшему стремится человѣкъ, тѣ, которые вообще пытались найти и сдѣлаться обладателями истины и сдѣлать обладателями ея всѣхъ людей, были безъ сомнѣнія лучшіе между людьми. Если отвергнуть это предположеніе, если нѣтъ ничего высшаго, „если пусто тамъ вверху надъ звѣздами“, если біографія человѣка исчерпывается словами Франца Моора: „человѣкъ рождается изъ грязи, дѣлаетъ грязь и становится грязью“, то зачѣмъ жить и страдать, зачѣмъ вся эта ужасная сумма мученій въ родѣ человѣческомъ? Зачѣмъ позволять природѣ такъ зло и грубо шутить надъ собой? Человѣкъ, это произведеніе природы, говоритъ вѣдь о какой-то борьбѣ съ природою и какихъ то одержанныхъ надъ нею побѣдахъ, но онъ забываетъ, что всѣ эти побѣды достались ему цѣною ужасныхъ трудовъ и мученій и что всѣ онѣ — мнимыя: потускнѣетъ солнце, перестанетъ грѣть землю, и жизнь исчезнетъ съ земли, и ея поверхность усѣется трупами пылѣ такъ громко кричащихъ побѣдителей. Природа позволила человѣку разрыть кое-какія горы, переплыть кое-какія моря, а онъ уже и вообразилъ себя неограниченнымъ властелиномъ природы, но природа шутитъ надъ нимъ, придутъ дни и отъ этого властелина она не оставитъ и воспоминанія. Пусть нѣкоторымъ правится такой взглядъ на вещи и они приписываютъ его, однако они должны сознаться, что вѣдь и другой взглядъ на вещи, полный надежды и упованія еще не опровергнуто. Съ точки зрѣнія этого взгляда служеніе идеѣ истины желательно и обязательно для человѣка, пусть кто хочетъ пытается опровергнуть это, но пока это не опровергнуто, ни-

кто не имѣеть права предлагать наложить запрещеніе на такое служеніе.

Идея добра на первый взглядъ не заключаетъ въ себѣ такихъ признаковъ объективности, какъ идея истины. Въ общезитіи понятіе добра часто смѣшиваютъ съ понятіемъ пользы и даже сознающіе, что между тѣмъ и другимъ существуетъ различіе, и желающіе установить его, опредѣляютъ дѣйствія добрыя, какъ полезныя для ближнихъ, и устанавливая, что всякій человѣкъ есть ближній, выводятъ, что доброе есть то, что полезно для всѣхъ или что по крайней мѣрѣ будучи полезнымъ и не для всѣхъ, ни для кого не вредно. А такъ какъ далѣе оказывается, что нельзя избѣжать дѣйствій, которыя не были бы вредными для кого-либо изъ созданий способныхъ ощущать удовольствіе и страданіе, то заключаютъ, что понятіе добра, какъ и понятіе пользы, ограничено, условно и субъективно. Мы прежде всего попытаемся показать, что за идеею добра можно признать объективный характеръ, и затѣмъ попытаемся доказать, что таковой характеръ, за нею и должно признать. Идея добра не есть идея полезнаго, а есть идея нормальнаго. Наблюдая и изучая дѣйствительность, мы необходимо сознаемъ, что не все то, что существуетъ, должно существовать, что должно существовать многое, что не существуетъ и что многое изъ существующаго должно бы было измѣниться, чтобы удовлетворять нѣкоторымъ требованіямъ, которыя—какъ мы сознаемъ—должны быть предъявляемы къ существующему. Это сознаніе мы прежде всего направляемъ на свой собственный духъ и находимъ, что многое, присущее ему, должно бы быть удалено изъ него, какъ, наприм., помышленія злыя, бурныя движенія сердца, и что многое должно бы быть привлечено въ него. Съ идеею добра у насъ связывается гораздо болѣе богатое содержаніе, чѣмъ съ идеею истины. По отношенію къ истинѣ, вообще говоря, мы признаемъ, что она есть, и что ее должно искать, но на вопросъ, въ чемъ она заключается?—даются крайне разнорѣчивыя отвѣты. Что касается до вопроса о томъ, что признавать добрымъ или нормальнымъ, то здѣсь мы найдемъ гораздо болѣе согласія: человѣкъ любящій брата своего, признается болѣе соответствующимъ нормѣ, чѣмъ человѣкъ не любящій брата, отсюда человѣкъ стре-

мищійся воспитать въ своемъ сердцѣ любовь къ брату — разумѣя подѣ братомъ вообще человѣка — и дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ во имя любви, является служащимъ идеѣ добра. Служеніе добру должно заключаться въ томъ, чтобы всѣми силами стараться содѣйствовать установленію въ мірѣ нормальнаго порядка. Я питаю недобрыя чувства къ нѣкоторымъ лицамъ, это — ненормальность, я долженъ стремиться уничтожить ее, т. е. заглушить эти чувства. Я вижу человѣка, дрожащаго отъ холода, онъ страдаетъ, страданіе есть ненормальность, въ моихъ силахъ въ данномъ случаѣ уничтожить это страданіе: я имѣю лишнюю теплую одежду и долженъ отдать ее бѣдняку. Содѣйствовать умноженію любви въ мірѣ и стремиться уничтожить страданіе, вотъ задача человѣка, служащаго добру. Возраженіе, что добро не есть высшее требованіе, а лишь субъективное требованіе человѣческой природы, что волкъ по естественному закону долженъ питаться ягнятами, и что слѣдовательно при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи, ни о всеобщемъ уничтоженіи страданій, ни о всеобщей любви, это выраженіе оказывается совершенно несостоятельнымъ. Законъ пожиранія твари тварью даже при настоящемъ порядкѣ вещей не есть необходимый законъ. Что касается до человѣка, то онъ конечно, легко могъ бы обойтись безъ мяса и лишь по жестокосердечности его ему позволено есть все, какъ зелень травную. Люди, питающіеся преимущественно пищею растительною, вовсе не слабѣе физически и не менѣе долго живутъ, чѣмъ люди, питающіеся преимущественно мясомъ. Люди, совсѣмъ не употребляющіе мясной пищи, наприм., монахи, тоже не являютъ ни примѣровъ болѣзненности, ни краткосрочности человѣческаго бытія. Вообще говорятъ, что употребленіе растительной пищи понижаетъ интенсивность жизни, дѣлаетъ человѣка менѣе энергичнымъ и менѣе способнымъ къ работѣ, но въ отдѣльныхъ случаяхъ это, какъ намъ извѣстно, завѣдомо несправедливо. Что же касается до общаго положенія, то имѣющіяся въ наличности статистическія данныя и научныя изслѣдованія не представляются достаточными для его установленія. Указываютъ, что на нѣкоторыхъ вредно вліяютъ посты и отсюда дѣлаютъ общее заключеніе, что посты вредно вліяютъ вообще на человѣческую природу, но на всѣхъ вегетарь-

янцева вредно вліяетъ мясо, какое же заключеніе должно вывести изъ этого факта? Почему неупотребленіе мяса отзывается вредно, это понятно: люди издавна употребляютъ мясо, ихъ желудокъ ослабѣлъ, отвыкъ перерабатывать растительную пищу, и когда ему приходится имѣть дѣло съ одной пищей растительной, естественно онъ испытываетъ переутомленіе. Но почему употребленіе мяса можетъ сопровождаться вредомъ? Переваривать его, вѣдь, гораздо легче, чѣмъ растенія? Не представляютъ-ли собою вегетарьянцы явленіе атавизма? И не будетъ-ли благомъ всѣхъ обратиться въ вегетарьянцевъ? Во всякомъ случаѣ должно признать, что человѣкъ можетъ существовать, не убивая живыхъ тварей, вообще можетъ жить и не на счетъ смерти животныхъ. Остаются плотоядные животныя. Ихъ пища—животныя травоядныя. Тигръ не можетъ питаться травою, его желудокъ не способенъ превратить траву въ животныя ткани, корова можетъ сдѣлать это, въ мясѣ коровы тигръ получаетъ траву преобразованной такимъ образомъ, что его желудокъ можетъ извлечь изъ нея все полезное для его организма. Неизбѣженъ-ли этотъ несчастный посредствующій членъ? Мы не можемъ доказать, что этотъ членъ можетъ совсѣмъ исчезнуть, но мы можемъ показать, что онъ можетъ быть замѣненъ другимъ. Организмъ травоядныхъ не единственная лабораторія, въ которой растенія могутъ превращаться въ пищу удобопріемлемую для плотоядныхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ такую лабораторію является обыкновенная кухонная печка: собака — чисто плотоядное животное—можетъ питаться печенымъ хлѣбомъ и обходиться совсѣмъ безъ мяса. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что то, что возможно для собаки, не возможно для другихъ плотоядныхъ. Далѣе собаку можно научить ѣсть даже яблоки. Въ природѣ есть много растений, обладающихъ высокою степенью питательности (наприм., кокосовые орѣхи, бананы) и очень можетъ быть, что даже и нынѣшнія плотоядныя легко бы могли перейти на этотъ родъ пищи. Конечно, весь животный міръ не можетъ перейти на растительную пищу, не могутъ перейти на нее, наприм., животные паразиты, но самый фактъ ихъ существованія—ненормальность, и современная біологія вообще устанавливаетъ, что паразиты произошли отъ непаразитовъ, и при

нормальномъ порядкѣ вещей они, очевидно, или должны возвратиться къ типу первоначальныхъ предковъ или исчезнуть.

То, что не можетъ жить, не причиняя зла другимъ тварямъ, не должно жить. Современный міръ представляетъ намъ явленія борьбы за существованіе и явленія взаимопомощи. Міръ идеальный долженъ представлять лишь явленія второго порядка. Можетъ быть скажутъ: если не будетъ борьбы за существованіе, то не будетъ нужды и во взаимопомощи. Это неправда. Борьба за существованіе исчезнетъ, но останется стремленіе къ нравственному усовершенствованію и вообще усовершенствованію всестороннему. Взаимопомощь и будетъ заключаться въ томъ, что каждый будетъ содѣйствовать умственному и нравственному возвышенію своего брата.

Признавая объективный характеръ добра, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать фактъ существованія свободы. Если все существуетъ по необходимости, то нѣтъ ни нормального, ни ненормального, ни добраго, ни злого, а есть лишь одна правда. Понятія нормы и добра содержатъ въ себѣ мысль о свободномъ исполненіи и нарушеніи законовъ. Свобода человѣческой воли есть способность творческая, она является однимъ изъ факторовъ, которыми опредѣляются человѣческія рѣшенія дѣйствовать и мыслить такъ или иначе. Ея отличіе отъ прочихъ факторовъ, опредѣляющихъ эти рѣшенія, состоитъ въ томъ, что прочіе факторы сами по себѣ суть необходимое слѣдствіе какихъ-либо имъ предшествовавшихъ причинъ, для свободы отыскивать причины невозможно. Человѣкъ не можетъ творить изъ ничего, по въ дѣлѣ управленія созданнымъ физическимъ и психическимъ матеріаломъ онъ является не просто передаточнымъ механизмомъ между первоначальною причиною и конечнымъ результатомъ, но свободнымъ устройтеlemъ, нѣкотораго рода диміургомъ. Такъ понимаетъ свободу религія, ибо только при такомъ пониманіи ея отвѣтственность человѣка за свои дѣянія является имѣющею смыслъ. Если человѣкъ по необходимости подчиняется сильнѣйшему изъ находящихся въ его душѣ въ данный моментъ желаній, то въ такомъ случаѣ съ него должна быть снята всякая отвѣтственность за свои дѣянія. Если, когда грѣховное желаніе и желаніе не дѣлать грѣха столкнутся и борются между

собою въ душѣ человѣка, человѣкъ не можетъ безъвышней причины и воздѣйствія подавить одно изъ нихъ и осуществить другое, то онъ не свободенъ. Такое ученіе о свободѣ воли принимаетъ обыкновенный здравый человѣческій смыслъ, такой взглядъ на свободу воли предполагаетъ религія. Когда Господь Иисусъ Христосъ говорилъ отцу бѣсноватаго ребенка, чтобы онъ вѣровалъ, когда Господь требовалъ вѣры отъ Фомы, когда онъ говорилъ жещинѣ помазавшей мѣромъ его ноги, что ея вѣра спасла ее, очевидно, онъ разумѣлъ ту вѣру, которая является плодомъ свободнаго самоопредѣленія, а не актомъ роковой необходимости. Не можетъ человѣку вмѣниться въ праведность то, что зависитъ не отъ самого человѣка. Могутъ возразить конечно, что такое пониманіе свободы воли стоитъ въ противорѣчій съ требованіями логики и данными дѣйствительности. Но эти возраженія не убѣдительно. Что касается до данныхъ дѣйствительности, то они могутъ показать и дѣйствительно показываютъ лишь ограниченность свободы, а не ея отсутствіе. Если бы и на самомъ дѣлѣ свободы не было, то для того, чтобы констатировать это, нужны невозможно точные инструменты и невозможно талантливые наблюдатели, но невозможное не существуетъ и отсутствіе свободы никогда не можетъ быть открыто. То теоретическое соображеніе, что признаніе нѣкоторыхъ дѣйствій свободными есть признаніе ихъ безпричинными, основано на недоразумѣніи. Мы не отрицаемъ причину свободныхъ дѣйствій, мы только признаемъ, что въ свободныхъ дѣйствіяхъ причина и слѣдствіе являются въ новомъ своеобразномъ сочетаніи. Богъ не есть непосредственная причина нашихъ дѣйствій, но Онъ есть причина нашей способности производить эти дѣйствія. Способность самоопредѣленія есть фактъ, имѣющій для себя причину въ Богѣ, но каждый отдѣльный актъ самоопредѣленія есть фактъ, имѣющій для себя конечную причину въ насъ „я“. Предположить существованіе такой свободы—кромѣ непосредственнаго сознанія—обязываютъ насъ самая идея бытія и идея пормальнаго. Если мы представимъ себѣ бытіе въ видѣ громаднаго механизма, въ которомъ каждое отдѣльное явленіе есть необходимое слѣдствіе другаго и необходимая причина третьяго, то тогда все бытіе явится для

насъ въ сущности чѣмъ-то призрачнымъ, чѣмъ-то въ родѣ индiйской маи, бытiе будетъ тогда лишь тѣмъ, что въ механикѣ называютъ передаточнымъ механизмомъ съ тою лишь особенностiю, что этому громадному механизму некому и не для чего передавать свою силу. Для разумныхъ существъ явленiя, совершающiяся съ необходимостiю имѣютъ значенiе по-стольку, по-скольку они совершаются для существъ свободныхъ. И если мы выкинемъ понятiе свободы за бортъ существующаго, то тогда все бытiе потеряетъ характеръ разумности, а все намъ извѣстное, какъ существующее, потеряетъ характеръ дѣйствительности. Наше „я“ со всѣми присущими ему способностями представится намъ тогда какъ функцiя, производимая частiю намъ извѣстными, частiю неизвѣстными причинами и совершенно подобная такому явленiю, какъ бѣлый цвѣтъ, который есть функцiя эфирныхъ волнъ, различной длины. Само собою понятно, что если наше „я“ не есть реальность, то тѣмъ болѣе не можетъ быть признана реальностiю вся обширная область „не я“. Это—группа феноменовъ. Все существующее есть лишь нѣчто призрачное, такъ мы придемъ къ крайнему феноменализму и если мы не хотимъ придти къ такому результату, то должны отвергнуть наше предположенiе о существованiи въ мiрѣ одной только необходимости. Мы должны отрицать господство этой необходимости и во имя присущаго намъ этического стремленiя раздѣлять явленiя на нормальные и ненормальные, желательные и нежелательные, добрые и злые. Ненормального и безнравственнаго не должно бы было быть, о немъ нечего бы было говорить, если бы въ мiрѣ царила только необходимость. Страданiя, болѣзни, скорби являлись тогда бы необходимыми нормальными элементами существующаго. Весь путь жизни человѣка отъ перваго болѣзненнаго крика при рожденiи до мучительной предсмертной агонiи въ старости, весь этотъ путь исполненный горя и скорбей должно бы было признать нормальнымъ. Человѣчество должно бы было провозгласить тогда культъ совершившихся фактовъ и дѣйствiя и намѣренiя человѣческiя оцѣнивать такъ-же, какъ физическiя явленiя. Мы не говоримъ о нравственной или безнравственной радугѣ, о добродѣтельныхъ минералахъ и т. д., тотъ кто не признаетъ человѣка сво-

боднымъ, долженъ бы былъ также изгнать изъ своего лексикона эти термины, причемъ вопросъ о томъ, откуда же явились у человѣка понятія, ими обозначаемыя, остался бы для него абсолютно неразрѣшимымъ. Но чтобы ни говорилъ человѣкъ, какъ бы рѣшительно онъ ни утверждалъ, что онъ не свободенъ, что ученіе о свободѣ воли есть вопіющая изъ нелѣностей, его совѣсть и его сознание всегда будутъ свидѣтельствовать противъ него, самъ онъ въ своей жизни будетъ постоянно признавать и мыслить себя и другихъ свободными. Мы уже потому должны признавать человѣка свободнымъ, что не можемъ мыслить его иначе. И человѣчество признаетъ свободу воли и на этомъ признаніи утверждается нравственная жизнь человѣчества.

Если безъ признанія свободы невозможно признать существованія нравственнаго и безнравственнаго, то и, наоборотъ, признаніе свободы необходимо предполагаетъ собою признаніе существованія объективныхъ нравственныхъ нормъ. Философы эволюционно-антропологической школы направляютъ противъ объективнаго характера добра то возраженіе, что существуютъ дикари, у которыхъ совѣмъ отсутствуетъ идея добра, и то, что различныя племена понимаютъ добро весьма различно. Первое возраженіе, опирающееся, надо замѣтить, на очень сомнительныя и противрѣчивыя сообщенія о дикаряхъ, представляетъ собою странное недоразумѣніе. Никто изъ сообщающихъ не отрицаетъ вѣдь того, что у дикарей существуютъ идеалы, представленія объ идеальныхъ нормахъ поведенія, причемъ эти идеалы нисколько не отождествляются съ полезнымъ и вреднымъ. Пусть эти идеалы безнравственны, грубы и жестоки, они, служа выраженіемъ идеи добра у бушменовъ, готтентотовъ и другихъ дикихъ племенъ, констатируютъ тотъ фактъ, что идея добра присуща и прирождена человѣческому духу. То обстоятельство, что бушменъ не знаетъ нашего нравственнаго идеала, также мало доказываетъ субъективность этого идеала, какъ мало доказываетъ субъективность дифференціального исчисленія то, что его не знаютъ очень многіе евронейцы и въ своихъ нуждахъ довольствуются болѣе простыми способами счисленія, но несомнѣнно, что если имъ открыть способъ исчисленія бесконечно-малыхъ, они примутъ его, какъ истину и это ука-

зываетъ на объективный характеръ математической теоріи. Если возвысить человѣка до пониманія нравственнаго евангельскаго идеала, то тоже несомнѣнно онъ признаетъ, что этотъ идеаль есть благо, хотя бы онъ и отрицалъ божественный характеръ Евангелія и велъ безнравственную жизнь. Нравственная правда Евангелія такъ не сомнѣнна, что тотъ, кто возвысился до ея пониманія, хотя и можетъ отрицать ея словами и дѣломъ, никогда не можетъ отвергнуть ее сердцемъ. Это по нашему мнѣнію есть сильное доказательство объективнаго характера добра.

Признаніе объективности идеи добра, заключая въ себѣ признаніе факта свободы, вмѣстѣ съ тѣмъ, понятно, предполагаетъ и то, что человѣчество не есть нѣчто преходящее, и что не все для человѣка кончается смертію, ибо при предположеніи уничтожимости человѣческаго „я“ и человѣчества стремленіе къ совершенствованію было бы лишь обманчивымъ инстинктомъ: мы тянулись-бы къ небу и всегда оставались въ грязи. Допустимъ, что эти положенія и не доказаны и не очевидны, но изъ вышеизложеннаго, намъ кажется, слѣдуетъ что они и не опровергнуты. А этого одного уже достаточно для того, чтобы оспаривать право запрещенія служить добру ради добра. Имѣются еще 2 основанія для того, чтобы совсѣмъ отвергнуть это право. Во 1) несомнѣненъ фактъ, что стремленіе къ нравственному совершенствованію, что проявленіе альтруистическихъ чувствъ всегда въ прошедшемъ служило на благо народу, а не во вредъ ему, сохраняло и усиливало, а не ослабляло народъ. Давно уже признано, что могущество народа заключается не въ нарѣзныхъ пушкахъ и игольчатыхъ ружьяхъ, а въ его нравственной силѣ. Во 2) отрицаніе объективности нравственныхъ нормъ содержитъ въ себѣ освященіе всякой антиномистической теоріи и отрицаніе смысла жизни. Вообще содержитъ въ себѣ тѣ же печальные выводы, какъ и отрицаніе объективности истины.

Кто вѣритъ въ истину и добро, тотъ долженъ признать и объективность красоты. Существующія опредѣленія красоты, пытающіяся дать понятіе о ея свойствахъ, а не о ея происхожденіи, вообще говоря односторонни и недостаточны. Опредѣленіе прекраснаго, какъ идеализаціи индивидуальнаго и индивидуализаціи идеальнаго, какъ соотвѣт-

ствія формы содержанію, какъ воплощенія идеи въ образѣ, приложимы далеко не ко всему (почти лишь къ произведеніямъ искусства, да и то не ко всѣмъ). Мы не будемъ пытаться давать свое опредѣленіе красоты, мы постараемся показать лишь, что даже изъ того опредѣленія прекраснаго которымъ пользуются, когда пытаются представить его, какъ модификацію полезнаго, можно вывести, что она есть нѣчто объективное. Красота бываетъ присуща или предметамъ или дѣйствіямъ и является въ природѣ и въ искусствѣ, остановимся сначала на прекрасномъ въ природѣ. Явленія, существо или предметъ должно признать красивыми, когда они воплощаютъ въ себѣ разумную или нравственную идею и они являются тѣмъ болѣе прекрасными, чѣмъ лучше ихъ форма открываетъ ихъ содержаніе, и чѣмъ шире и глубже это содержаніе. Намъ нравятся яркіе цвѣты, пестрыя птицы и бабочки, потому что ихъ нарядъ представляетъ собою воплощеніе идеи сильной интенсивности жизни, которая имъ всегда бываетъ присуща, хотя и на короткій срокъ. Эти созданія представляютъ намъ локализацию значительнаго количества энергіи въ миниатюрныхъ формахъ. Цвѣты заключаютъ въ себѣ зародыши жизни многихъ растений, они выдѣляютъ болѣе углерода чѣмъ кислорода (въ противоположность остальнымъ частямъ растительныхъ организмовъ) и это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ нихъ происходитъ энергичная работа. Маленькія яркія птички быстро и много летающія говорятъ намъ о томъ, что въ ихъ мышцахъ можно предполагать силу во 100 разъ большую, чѣмъ ихъ вѣсъ. Однако мы не можемъ долго любоваться этими созданіями, ибо идея, воплощеніе которой открывается въ нихъ, доставляетъ немного матеріала для мысли. Навысшую красоту въ природѣ представляетъ человѣкъ и именно лицо человѣка, потому что въ лицѣ его можетъ открываться наиболѣе глубокое содержаніе. Но воплощеніе не всякой идеи прекрасно: лицо скупца отвратительно, человѣкъ обуреваемый пороками и страстями производитъ отталкивающее впечатлѣніе, мяуканье мартовскихъ котовъ гнусно. Напрасно думаютъ натуралисты (наприм. Брэмъ), за которыми, недостаточно просознавъ, что говорятъ, идутъ и художники (наприм. Левъ Толстой), что гнусное завываніе котовъ на потолокъ и трели соловья воплощаютъ одну идею и имѣютъ

одно происхожденіе: половой инстинктъ. Пѣснь соловья гармонична. Законы гармоніи суть законы алгебры и геометріи, они не условны и объективны, реализація этихъ законовъ въ звукахъ доставляетъ наслажденіе, соловью присуща способность этой реализаціи и способность наслаждаться ею. Последнее доказывается тѣмъ, что, когда онъ поетъ, онъ становится невоспримчивъ къ внѣшней дѣйствительности. Если пѣснь соловья наводитъ на мысль о любви, то прежде всего о духовной сторонѣ этой любви—о тѣхъ движеніяхъ, чувствахъ и ощущеніяхъ души, которыя присущи любящему существу. Мяуканье кота говоритъ лишь о низменной похоти. Воплощеніе низкой страсти и низкаго чувства въ природѣ—всегда являются безобразными. Животные паразиты всѣ отвратительны. Если фигура какого-нибудь итальянскаго бандита намъ представляется красивой (какъ это мы видимъ, наприм., въ произведеніяхъ Сальватора Розы), то это потому, что она являетъ намъ собою воплощеніе мужества, отваги и силы. Если изобразить этого бандита пьянымъ, унодобившимся животному, онъ потеряетъ всю своеобразную красоту. Явленія, какъ и предметы, могутъ быть воплощеніемъ идеи: ураганъ и смерчъ—воплощеніе идеи могущества. Признавая объективность разумнаго и нравственнаго, мы признаемъ, что наиболѣе совершенное воплощеніе того и другаго, и будетъ наивысшею красотой. Красота безусловна. Различіе въ пониманіи и оцѣнкѣ прекраснаго не доказываетъ ея условности, какъ то обстоятельство, что различныя племена и лица различно объясняютъ физическія явленія, не доказываетъ, что причины ихъ необъективны. Лицо не достигшее степени пониманія извѣстныхъ идей, не можетъ понимать прекраснаго, которое является ихъ воплощеніемъ. Лицо, имѣющее неправильное пониманіе истиннаго и добраго, съ своей невѣрной точки зрѣнія судитъ и о прекрасномъ. Однако по мѣрѣ того какъ люди развиваются и становятся выше, ихъ оцѣнка прекраснаго пріобрѣтаетъ все большую устойчивость: объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ художественныя галереи Европы. Нельзя разсматривать прекрасное, какъ признакъ полезнаго, и объяснять его происхожденія такъ, что вмѣстѣ съ полезнымъ стали нѣкогда (по ассоціаціи) нравиться и признаки полезнаго. Такое объясненіе опровергается фактами:

дикарю нравятся такіе блестящіе предметы и бездѣлушки, съ которыми никакъ нельзя ассоціировать мысли о пользѣ и нравятся такіе уборы, съ которыми можно ассоціировать лишь мысль о вредѣ. Почему же онъ цѣнитъ ихъ? Никакой отдаленный ни человѣческій, ни проблемматическій животный предокъ не могъ усмотрѣть въ нихъ или аналогичныхъ имъ предметахъ ничего полезнаго для себя. Красота въ искусствѣ есть нѣчто иное, чѣмъ красота въ природѣ. Фигура скупанаго на картинѣ или въ поэтическомъ произведеніи можетъ явиться высоко художественною, хотя въ дѣйствительности она отвратительна. Произведеніе должно быть названо прекраснымъ или художественнымъ тогда, когда въ немъ извѣстный предметъ воспроизведенъ такъ, что отъ него получается тоже или по крайней мѣрѣ близкое къ тому впечатлѣніе, которое вызываетъ этотъ предметъ въ природѣ или долженъ вызывать по нашему представленію. Для того, чтобы создать такое произведеніе, художникъ долженъ открыть, какими именно чертами извѣстный предметъ или видъ вызываетъ въ насъ то или другое впечатлѣніе. Ни одинъ человѣкъ не лишенъ совершенно этой способности и ни одинъ не владѣетъ ею во всей полнотѣ. Художники суть тѣ, которымъ она присуща въ значительной мѣрѣ и различіе этой мѣры обуславливаетъ различныя степени таланта. Обыкновенно художникъ улавливаетъ эти черты безсознательно. У всѣхъ насъ есть наприм., представленіе о томъ, что внѣшній видъ Божіей Матери долженъ обнаруживать, что она дѣва, способная стать и ставшая Матерью Бога. Рафаэль изобразилъ намъ ее, безъ сомнѣнія онъ самъ не сознавалъ и не умѣлъ бы объяснить какъ онъ сдѣлалъ это, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ никогда не могъ повторить своего произведенія, хотя очень часто повторялъ его сюжетъ. Образъ Спасителя не данъ никѣмъ. Создавать идеальные образы вообще трудно, чѣмъ воспроизводить дѣйствительную жизнь, для этого требуется пониманіе идеала и (въ нѣкоторой мѣрѣ) стремленіе къ нему. Вотъ почему идеальные образы въ художественныхъ произведеніяхъ всего чаще оказываются блѣдными, безжизненными, неудачными. Въ нѣкоторой мѣрѣ, намъ кажется, это можно подмѣтить даже у Шекспира.

Мы не имѣемъ своею задачею здѣсь подробно говорить

о прекрасномъ, но мы думаемъ, что изъ сказаннаго нами можно вывести, что служеніе красотѣ должно совершаться ради самой красоты и ни для чего болѣе, и что всякая попытка подчинить красоту какимъ-либо утилитарнымъ идеямъ, не содѣйствуя этимъ идеямъ, будетъ гибельна для красоты. Художественное творчество состоитъ въ томъ, что художникъ воплощаетъ въ своихъ произведеніяхъ предносящіяся его духу или внѣшнимъ чувствамъ образы и звуки. Смотри по характеру и высотѣ развитія художника, различные образы наполняютъ его душу и отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ и явленій различные художники получаютъ различное впечатлѣніе и поэтому когда они даютъ изображенія этихъ явленій, то они являются различными. Художникъ по своей волѣ можетъ заняться воплощеніемъ однихъ, а не иныхъ образовъ и никто не можетъ упрекать художника за то, что онъ соглашается или не соглашается рисовать тотъ или иной сюжетъ или за то, что онъ рисуетъ море, а не лѣса. Искусство будетъ утилитарнымъ тогда, когда художникъ будетъ пытаться своимъ произведеніемъ доказать или опровергнуть какое нибудь положеніе. Наприм., когда какой нибудь писатель захотѣлъ-бы доказать, что американскій общественный строй наиболѣе способенъ дать счастье обществу и съ этою цѣлю далъ бы романъ изъ американской жизни, то для того, чтобы доказать свою мысль, онъ изобразилъ бы вліяніе общественнаго строя на общество не такимъ, какимъ оно ему казалось, а какимъ-бы ему было желательно, чтобы оно было. Поскольку онъ искажалъ бы правду въ своемъ произведеніи, постольку оно теряло бы въ художественности. Въ одномъ и томъ же предметѣ одинъ можетъ находить преобладаніе хорошихъ качествъ, другой—дурныхъ, и сообразно съ этимъ первый и второй должны получить различныя впечатлѣнія отъ него и, воспроизводя этотъ предметъ на полотнѣ, одинъ бы изобразилъ его привлекательнымъ, другой — отталкивающимъ. То и другое произведеніе могло бы быть вполне художественно. Портретъ Тургенева, написанный Рѣпинымъ, изображаетъ покойнаго беллетриста привлекательнымъ. Если бы Достоевскій обладалъ кистью и изобразилъ бы на полотнѣ своего Кармазинова (Тургенева тожь) фигура бы вышла несимпатичная, но то и другое произведеніе остались

бы художественными. Но если бы портретистъ задался цѣлью доказать, что вотъ такой-то человѣкъ, обладающій такимъ-то талантомъ, умомъ и волею, — дурной человѣкъ, то онъ бы далъ не художественное произведеніе, а изображеніе чего-то несуществующаго. Вообще нельзя рассуждать ни кистью, ни рѣзцомъ, ни нотами, но сочетанія нотъ и произведенія рѣзца могутъ быть убѣдительнѣй всякаго рассужденія. Задача искусства реализовать образы и впечатлѣнія; только отъ произведеній, представляющихъ выполнение этой задачи, мы можемъ получать эстетическое наслажденіе; если произведеніе становится тенденціознымъ, оно перестаетъ быть прекраснымъ, оно иногда будетъ и правдивымъ, но не можетъ быть художественнымъ, напротивъ, художественное произведеніе можетъ представляться намъ произведеніемъ заблуждающагося ума и однако прекраснымъ.

Художественныя произведенія, смотря по тому, каковы ихъ творцы, могутъ направлять человѣка къ добру и къ злу. Изображеніе Маргариты до ея паденія можетъ вызвать уваженіе къ ея чистотѣ и изображеніе „Нана“ можетъ вызвать приливъ чувственности. Если художникъ высоко развилъ въ себѣ стремленія къ истинѣ и добру, то его произведенія будутъ поднимать насъ къ небу. Таковы, наприм., произведенія Шиллера. Если художникъ всецѣло приникъ къ землѣ, онъ повлечетъ за собою и своихъ читателей. Художникъ воспитывается обществомъ и общество можетъ, вообще говоря, направить его къ добру и къ злу. Впрочемъ большинство художниковъ носитъ въ себѣ много задатковъ пониманія добраго и стремленія къ нему (по крайней мѣрѣ въ теоріи) и литературные уроды, у которыхъ совершенно атрофировано нравственное чувство, являются печальными исключеніями. Общество должно только озаботиться, чтобы появляющіеся въ средѣ его художники, воспитывались въ лучшихъ вѣрованіяхъ и надеждахъ. Тогда тѣ идеалы, которые обществу предносились еще какъ смутныя желанія, служители красоты представляютъ ему воплощенными въ своихъ произведеніяхъ. Эти идеалы станутъ руководительными маяками общества. Этой послѣдней цѣли искусство можетъ служить лишь тогда, когда оно будетъ искусствомъ для искусства, такимъ образомъ только служе-

ніе идеѣ красоты чуждое какихъ-либо тенденціозныхъ расчетовъ можетъ содѣйствовать благу человѣчества.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

И такъ запретныя идеи не должны быть признаны запретными.

Стремленіе къ истинѣ, добру и красотѣ есть и право и обязанность человѣка. Этимъ правомъ пользуются и эту обязанность выполняютъ—хотя и въ весьма различной мѣрѣ—все люди: выполняютъ и тѣ, которые ихъ отрицаютъ.

Христіанинъ стремленія къ истинѣ, добру и красотѣ объединяетъ въ стремленіи къ Богу. Христіанское ученіе освѣщаетъ глубокимъ свѣтомъ эти стремленія и указываютъ средства, которыя наилегчайшимъ и наилучшимъ образомъ содѣйствуютъ удовлетворенію этихъ стремленій. Мыслители, несостоятельность мнѣній которыхъ мы пытались показать на предыдущихъ страницахъ, прежде всего находятъ нужнымъ наложить запрещеніе на христіанскую религію: они находятъ безнравственнымъ со стороны родителей воспитывать дѣтей въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и находятъ неразумнымъ дѣло преподаванія закона Божія въ школахъ, школа должна быть лаическою. Они находятъ неразумнымъ ученіе о личномъ Богѣ, Который, по ихъ мнѣнію есть ничто иное, какъ безмѣрная тѣнь, заброшенная на пустоту пространства воображеніемъ невѣдущихъ людей, „душа“ по ихъ воззрѣніямъ, есть ничто иное, какъ слово употребляемое невѣжественными людьми для выраженія невѣрной идеи. Они ставятъ крестъ надъ религіей и метафизикой, и преслѣдуютъ ихъ съ настойчивостью и упорствомъ, достойными лучшихъ цѣлей. Но на самомъ дѣлѣ у нихъ есть метафизика и ихъ метафизика отличается только тѣми особенностями, что ей не слѣдуютъ они сами, не могутъ и не желаютъ слѣдовать, и что она ни на чемъ не основана. Провозгласивъ уничтоженіе метафизики, наши мыслители оставили отъ философіи лишь гносеологию и этику. О происхожденіи стремленія къ познанію они учатъ, что его вызвала потребность въ открытіи средствъ для удовлетворенія практическихъ нуждъ, о результатахъ нашего познанаія они учатъ, что они никогда не дадутъ ничего большаго, чѣмъ удовлетворенія этихъ нуждъ. Наши познанія

субъективны, не отражаютъ и даже не служатъ вѣрнымъ символомъ дѣйствительности. Этика по ихъ воззрѣнiямъ не есть ученiе о принципахъ человѣческой дѣятельности, а есть наука о человѣческихъ правахъ, оказывающихся весьма различными у различныхъ человѣческихъ племенъ, и объ историческихъ и біологическихъ условiяхъ, содѣйствовавшихъ выработкѣ этихъ правовъ. Нормы для практической дѣятельности они приказываютъ отыскивать въ социальныхъ наукахъ, будто много подвинувшихся въ своемъ развитiи, благодаря помощи біологіи. Всѣ свои философскіе тезисы наши мыслители полагаютъ утверждающимися на экспериментѣ,—словѣ, говорятъ они, неизвѣстномъ и страшномъ для метафизиковъ и теологовъ.

По отношенiю къ прошедшему ложь послѣдняго утвержденiя открывается при самомъ поверхностномъ изученiи исторiи человѣческой мысли. (Декартъ былъ метафизикъ и хорошій экспериментаторъ), легко открывается эта ложь и для настоящаго времени. Замѣчательнѣйшій изъ астрономовъ нашего вѣка Секки и величайшій изъ ученыхъ нашего времени Пастеръ, надъ могилою котораго еще не замолкъ гулъ хвалебныхъ рѣчей, произвели на своемъ вѣку не мало экспериментовъ и однако они люди вѣрующіе въ метафизику и теологію. Но такъ ли близко знакомы съ экспериментомъ наши противники метафизики, какъ они утверждаютъ. Мы сильно сомнѣваемся въ этомъ. Что касается до нѣкоторыхъ, то ихъ естественнонаучное невѣжество выступаетъ довольно ярко въ ихъ произведенiяхъ, но и всѣ они если бы вдумались глубже въ смыслъ своихъ трактатовъ, то увидѣли бы, что они опираются не на экспериментальное естествознанiе, а на метафизику естествознанiя, ибо механико-атомистическая и эволюціонная гипотезы говорятъ о томъ, что происходитъ за предѣлами наблюденiя и опыта: первая о явленiяхъ, происходящихъ въ безконечно малыхъ пространственныхъ границахъ, вторая о явленiяхъ, совершающихся и могущихъ обнаруживаться лишь въ безконечно-большіе періоды времени. Остаются еще ссылки на біологію, но эти ссылки поражаютъ невѣжествомъ ссылающихся. Они полагаютъ, что примѣненiе эволюціоннаго принципа къ явленiямъ человѣческой жизни заимствованы изъ біологіи и не знаютъ того, что дѣло

было и лишь может быть наоборот: эволюціи (измѣненія) видовъ еще никто не наблюдалъ, экономическія и политическія эволюціи (измѣненія отъ низшаго къ высшему) могутъ быть наблюдаемы постоянно. Наконецъ и основной принципъ теоріи эволюціи—принципъ естественнаго подбора приложенъ Дарвиномъ не отъ животныхъ къ человѣку, а отъ человѣка къ животнымъ и взятъ имъ у Мальтуса. Изученіе жизни соціальныхъ животныхъ нисколько тоже не помогаетъ уразумѣнію экономическихъ и политическихъ явленій, а напротивъ обыкновенно производится и можетъ производиться лишь при признаніи аналогіи между нею и общественною жизнью людей и объясняется изъ послѣдней.

Такимъ образомъ, если можно говорить о чемъ, то лишь о зависимости біологіи отъ соціологіи, а никакъ не наоборотъ.

Связь новѣйшей філософіи, какъ и древняго матеріализма, съ естествознаніемъ—фигтивная связь и глубоко вредна для естествознанія, ставя его подъ антирелигіозное знамя и внушая къ нему подозрѣнія со стороны людей просто вѣрующихъ въ высшія истины. Люди, съ религіозною вѣрою соединяющіе высокое умственное развитіе, всегда понимали фиктивный характеръ этой связи и никогда не считали науку отвѣтственною за изувѣрство прикрывающихся ей знаменемъ фанатиковъ атеизма и матеріализма, но сторонники послѣднихъ направленій никогда не умѣли понять, что религія—именно христіанская религія—нисколько не отвѣтственна за фанатизмъ, суевѣрія и заблужденія нѣкоторыхъ ея послѣдователей, возведшихъ на костеръ Сервета и причинившихъ столько зла Галилею. Это ихъ непониманіе обуславливается ихъ нежеланіемъ изучать религію. Они наложили запрещеніе на цѣлый кругъ идей и предметовъ и, зачисливъ религіозныя ученія въ index, предприняли по истинѣ ужасную работу заглушенія въ человѣчествѣ высшихъ стремленій. Они достигли въ этомъ отношеніи довольно значительныхъ и весьма печальныхъ результатовъ, но имъ никогда не удастся побѣдить своей собственной природы и тѣмъ менѣе, конечно переродить все человѣчество. Скоро ли только они поймутъ, что ихъ дѣятельность представляетъ собою неразумно безнравственную попытку произвести духовное оскотленіе человѣчества?

С. Глаголевъ.